Газета «Эхо»
7 февраля 2020 г. №5 (9899)

Окунево стало второй

В первые же дни после страшного известия о начале войны моего деда призвали в трудармию. И с того самого дня о нем не было никакой весточки. С тех пор минуло больше семи десятилетий, но все усилия по поиску хоть каких-то его следов не увенчались успехом.

В послевоенные годы бабушка пыталась разыскать мужа через архив министерства обороны, через международный Красный Крест. Ответ один: в списках не значится. Бабушку эта неопределённость очень удручала: как же так? Выходит: ни жив, ни мёртв. Но ведь так не бывает!

Мама моя – Эрна Андреевна Крамер (в девичестве Эрна Генриховна Блюм) родилась 27 апреля 1929 года в Запорожской области Украины, в немецкой деревне Шейнталь. Отец её, Генрих Павлович (своё отчество мама сменила в 70-х годах), был директором сельской начальной школы. Бабушка, Альвина Ивановна, преподавала в этой школе музыку и домоводство.

В семье директора школы было трое детей: Лидия, Павел и Эрна. Семье пришлось жить в разных сёлах Запорожской области, поскольку в те времена существовал порядок, согласно которому директоров школ меняли каждые 4-5 лет. К 1941 году семья проживала в деревне Розовке. Старшая дочь, Лидия, летом 1940 года стала студенткой Саратовского педагогического института. В июне 41-го сдавала сессию и готовилась поехать домой на каникулы.

Сутки на сборы

12 октября 1941 года жителям деревни Розовка зачитали приказ Верховного главнокомандующего тов. Иосифа Виссарионовича Сталина об эвакуации немецкоязычного населения Украины вглубь территории Советского Союза. На сборы жителям села дали сутки. С собой в дорогу они могли взять на каждого человека до 20 килограммов ручной клади. Еще вечером 12 октября жители села вовсю обсуждали, как избежать эвакуации, а ранним утром 13-го всем стало понятно, что возможности спрятаться, укрыться – не будет.

Ранним утром село окружили войска, по улицам деловито сновали военные. К обеду жителей стали поторапливать: нерешительных выталкивали из домов, формировали колонны и отправляли на станцию. Над колонной несся нескончаемый плач взрослых и детей. Старики громко молились. Всё это казалось воплощением вселенского горя и запомнилось всем на долгие годы именно так.

Людей, пытавшихся спрятаться, избивали на глазах у родственников. Вечером колонна добралась до станции, её уже ожидал на путях состав из товарных вагонов. К составу согнали жителей всех окрестных немецкоязычных деревень. Под бдительным оком военных погрузка заняла немного времени. Доставленных на станцию буквально втрамбовали в вагоны.

После отправки эшелон несколько суток несся на предельной скорости на восток, делая короткие остановки для смены бригады машинистов, загрузки топлива и воды. Пассажирам запрещалось далеко отходить от эшелона. Они, выглядывая в двери и окна вагонов, видели страшные картины после бомбёжек вражеской авиации.

Моей маме, 12-летней девочке, на всю жизнь врезалось в память огромное дерево, в ветвях которого запутались остатки женского черепа с длинными волосами.

Бабушка Альвина взяла в дальнюю дорогу швейную машинку фирмы «Морозов». Родственники подтрунивали: мол, зачем нужна тяжеленная бандура, лучше бы продуктов побольше набрала. Но бабушка отмахивалась от шутников, видимо, предчувствовала, что машинка в тяжёлое время станет кормилицей всей семьи.

Свинцовым в нагрузку

В первых числах ноября 1941 года печальный эшелон прибыл на станцию Промышленную. Тот день запомнился и как день смерти Эмилии Блюм – матери моего деда. Умерла она на подъезде к Промышленной в возрасте 68 лет, так и не увидев новой родины своих внуков и детей.

Похороны заняли совсем немного времени, может, часа два всего. Нестроганый гроб погрузили на сани, лошадка понуро довезла его до кладбища. Там чужие люди опустили гроб с телом в готовую могилу. Эти же чужие люди установили над могилой православный крест. На перекладине креста бабушка химическим карандашом написала имя и фамилию умершей, дату смерти. После войны она не раз пыталась найти на кладбище могилу свекрови, но надпись, смыли дожди, стёр беспощадный сибирский ветер.

Годы спустя то старое кладбище оказалось заброшенным. Ещё позже человеческие руки сровняли с землёй память о предках.

Пока на кладбище решались скорбные дела, власти занимались распределением эвакуированных по сёлам. Моих предков распределили в Окунёво. Всего в Окунево попали 16 эвакуированных семей: Блюм, Юнгус, Япсен, Ригель, Гопп, Экгарт, Герценбергер, Янн, Пельц, Кнорр, Дерр, Бирт, Кочевадовы, Тухель, Оберман, Миллер. Сестры всю дорогу держались вместе, не расстались по прибытии и в Окунёве попросили, чтобы их поселили вместе.

Так на пороге небольшого пятистенника семьи Свинцовых появились шесть человек из далёкой Украины. У хозяйки было своих трое детей.

По рассказам бабушки и мамы, приём был не совсем радушным, да деваться некуда. Тем более, вскоре бабушку Альвину с сестрой забрали в трудармию. Старшим с детьми остался Павел, брат моей мамы, которому в то время было 16 лет. Он со дня приезда в Окунёво работал в местном заготзерно, именно его продовольственная карточка помогла выжить в голодное время. Мама пошла в Окунёвскую семилетку, а после школы приглядывала за детьми тёти Оли.

Спустя семьдесят с лишним лет после тех трагических событий, понимаю, что коренные сибиряки не могли иначе, как настороженно, встретить немецкоязычные семьи. Та же семья Свинцовых жила далеко не богато. Глава семьи уже к ноябрю 41-го числился погибшим на фронте. Хозяйка не могла работать в колхозе,из-за малолетних детей. Но надо отдать должное сибирякам: предки мои, несмотря на настороженное к ним отношение, на полное отсутствие средств к существованию, не умерли с голода.

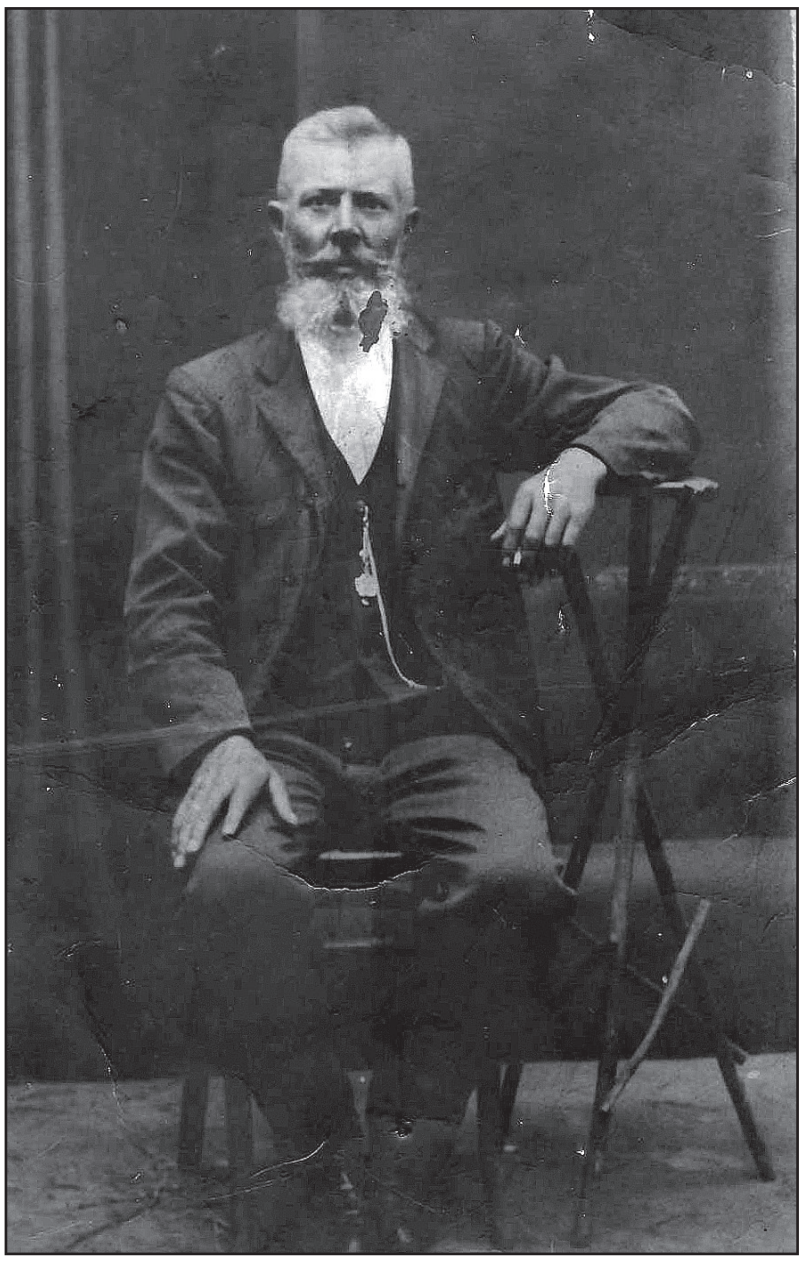
Постепенно благодаря добросовестному труду приезжих

Александр и Тамара Крамер, апрель 1985г.

**Мама с папой.
Арнольд Августович Крамер,
Эрна Андреевна Крамер. 1956г.**

МЫ ГОРДИМСЯ!

родиной Эрны Блюм



Прадед Александра Крамера – Иван Иванович Юнгус. 1920-1923 г.

Дедушка с бабушкой. Блюм Генрих Павлович, Блюм Альвина Ивановна, 1935г.

немцев отношение к ним изменилось. Я, как представитель следующего поколения своих предков, за всю свою жизнь ни разу не ощутил со стороны односельчан ни малейшего намёка на унижение или ущемление своих прав, человеческого достоинства. Более того, со временем я стал патриотом своей малой родины не меньше, чем коренные окунёвцы.

Стала за старшую

Павел, самый старший из прибывших в Окунёво детей, работал в бормотовском заготзерно. Он всей душой мечтал встать на защиту Родины. Однажды по секрету рассказал сестре свой план: он собирался сбежать из Окунёва и представляться заинтересованным органам эвакуированным из Ленинграда, потерявшим документы.

Как было на самом деле, никто не знает. Весной 42 года Павел исчез. С тех пор о нём никаких сведений. После войны бабушка несколько раз делала запросы в архив Министерства обороны, в МВД, но безуспешно.

После исчезновения Павла мама осталась старшей из детей. Вместе с ней на квартире у Свинцовых жили Гарик и Тамара – дети бабушкиной сестры Ольги. Как смогли выжить трое несовершеннолетних детей, не имеющих ни родительской поддержки, ни помощи от государства (дети врагов народа), две зимы и два лета, да еще в условиях суровой Сибири?!

Моя мама всю жизнь с большой теплотой и уважением вспоминала деда Гришу Кириленко и его жену – бабку Марфу.

Дед Гриша в годы войны работал сельским почтальоном. Каждый день, разнося корреспонденцию, исходил село вдоль и поперёк. Всегда выкраивал минутку и заглядывал в дом, где жила моя мама. Редкий день приходил без гостинца: то кусок пирога с рыбой принесет, то пирожки с калиной. А ребятишки и простой лепёшке были рады.

В первую сибирскую зиму дед Гриша соорудил моей маме обувку, какой у неё отродясь не было. Посмотрел, как девчушка в летних туфлях да каких-то несусветных обмотках пробирается по сугробам в лес за дровами, и сказал ей зайти к бабке Марфе. Когда мама пришла, бабка Марфа вручила ей сапоги. Сапоги необыкновенные: к литым резиновым калошам дед Гриша просмолённой дратвой пришил голенища от старых кирзовых сапог. Самодельная обувка оказалась великоватой, но бабка Марфа успокоила: велико – не мало.

В этих сапогах-самоделках мама ходила в займище за дровами. Походы в согру, а затем в займище дети военных лет помнят и сегодня. За дровами отправлялись целой ватагой, набирали вязанку побольше и, увязав её на санях, всей компанией отправлялись в деревню. По дороге обсуждали деревенские новости, жалели погибших на фронте односельчан и мечтали о Победе.

Привезла сестер домой

В мае 43-го в дом к Свинцовым в очередной раз заглянул дед Гриша Кириленко и рассказал, что в газете «Правда» напечатан указ Сталина об освобождении от работ на оборонных заводах женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей. Этот указ целиком и полностью относится к работающей на оборонном заводе Альвине Ивановне, и действовать надо немедля. Сказал, чтобы моя мама взяла с собой газету с указом и отправилась на завод, где работала Альвина Ивановна.

14-летней девочке в Новосибирске, в огромном городе, предстояло среди множества больших и малых заводов разыскать тот, на котором работала её мама. Смелая и решительная девочка не только не растерялась в огромном Новосибирске, но и нашла землянку, в которой жила Альвина Ивановна со своей сестрой Ольгой.

Удивлению сестёр не было предела, когда, вернувшись с работы, они встретили Эрну. После слез нечаянной встречи, после расспросов, что да как, они проводили решительно настроенную девочку к заводоуправлению. А там ей то ли судьба помогла, то ли что. Она попала к парторгу оборонного завода, предъявила ту самую газету и заявила, что не уйдёт, пока тот не отпустит с завода её маму и тётю Олю.

На следующий день сестёр рассчитали с завода, выдали документы и они вместе с Эрной отправились домой.

Хоть землянка, но своя

В Окунёве бабушка Альвина пошла в колхоз на «разные работы». Уставала до упаду. Сил придавала мысль о собственном жилье. Вечерами садилась за швейную машинку и при тусклом свете керосинки шила нехитрую одежонку для односельчан.

Ближе к осени дед Гриша сказал бабушке, что неподалеку от его усадьбы Поля Лисина продаёт землянку. Что землянка та – так себе, а вот усадьба при ней очень даже ничего.

В тот же день Альвина Ивановна сговорились с Полей о покупке. Через день-два мать с дочерью навели в землянке порядок, побелили стены, потолок. Дед Гриша застеклил небольшое оконце у самой земли. К вечеру загудела печь. Ее тепло напомнило новосёлам о простом домашнем счастье.

Я не раз задавал и бабушке, и маме вопрос: какой день в их жизни был самым счастливым? Это сейчас я понимаю, а тогда меня удивляло, что обе они считали счастливым тот осенний вечер 1943 года. Когда все рыдали от счастья в убогой землянке, что стала их первым собственным домом на новой родине.

В 1948 году мама вышла замуж за моего отца – Арнольда Августовича Крамера. Землянка оказалась тесной для семьи из трёх человек.

В 1950 году отец занялся строительством и в одно лето построил дом-мазанку. Премудрости строительства подсказали местные старики, а желания работать было хоть отбавляй.

В небольшой стаечке из плетня, обмазанного глиной, завели корову, телёнка, пару овец. В пустующей землянке надумали держать птицу.

Летом 1947 года, придя с работы, баба Альвина обнаружила рой пчёл, сидящий на плетне. Она умела обращаться с пчёлами и быстренько собрала рой в ванну. Вечером сбегала к местному пчеловоду деду Кудряшову. Тот, по старости лет, с трудом управлялся с пасекой, поэтому, когда баба Альвина рассказала ему о случайном рое, подарил ей и улей кедровый, и рамок комплект, и кое-что из инструмента. С того дня в нашей семье ведётся пасека, а улей тот до сих пор цел.

Александр КРАМЕР